

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

FRIENDS, WORDS, TABLES

Festschrift for the 75th birthday of
Anna Polivanova

Edited by A. Keidan

INTERBOK

Stockholm

2020

ДРУЗЬЯ, СЛОВА, ТАБЛИЦЫ

Сборник статей в честь 75-летия
А. К. Поливановой

Под редакцией А. В. Кейдана

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

Москва – Екатеринбург

2020

УДК 81+82
ББК Ш1
Д 76

Д 76 Друзья, слова, таблицы: сборник статей в честь 75-летия А. К. Поливановой / под ред. А. В. Кейдана. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. — XVIII+502 с. : ил.
ISBN 978-5-6044025-3-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с языкознанием, — от экспериментальной фонетики до теоретической фонологии, от общей и исторической лингвистики до филологии и литературоведения, от логики до семантики и лексикографии. Статьи приурочены к 75-летию юбилею А. К. Поливановой. Заключает сборник подборка мемуарных материалов.

Адресовано лингвистам и всем, кто интересуется проблемами языка и семантики.

УДК 81+82
ББК Ш1

© Авторы, 2020
© Interbok, 2020

Книга издана при финансовой поддержке
Университета Сапиенца, Рим, Италия

This book has been published with financial assistance
of Sapienza University of Rome, Italy

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. В. Кейдан

От составителя — XI

Список авторов — XIII

ЧАСТЬ I СТАТЬИ

П. М. Аркадьев

Опыт парадигматического описания готского языка — 1

Л. А. Блюменфельд / L. Blumenfeld

Взаимодействия сегментных преобразований в абстрактной грамматике — 50

Е. В. Бречалова

О линейризации актантов в корейском предложении — 62

А. Д. Вентцель / A. Wentzell

Нечто о математической лингвистике и о лингвистике. II — 80

В. И. Гаврилова

Переходность, залог и энергетика процессов изменения неодушевленных субстанций — 114

А. Ди Манно / A. Di Manno

Закон Вакернагеля в старославянском языке — 132

И. С. Добровольский

**Орфография редуцированных в славяно-русских рукописях:
принципы описания — 143**

Л. Л. Иомдин

**Ни при чем: об одной микросинтаксической конструкции
с отрицанием — 160**

И. Б. Иткин

Взыскую истины: опыт о глаголе *взыскать* — 169

А. В. Кейдан / A. Keidan

**Грамматическая типология и эффективность сравнительных
конструкций — 179**

Л. Е. Коган / L. Kogan

Этюды по эблаитской грамматике — 209

О. Ф. Кривнова, К. А. Патрикеева

**Методы делексикализации речевого сообщения, их тестирование
и оценка результатов — 222**

Л. И. Куликов / L. Kulikov

**Ориентированность, асимметрия и неизоморфизм в грамматике:
к постановке проблемы — 240**

И. А. Мельчук / I. Mel'čuk

**Статья как статья: *писать так писать!* О синтаксических
идиомах — 259**

Е. В. Муравенко

**Русские производные предлоги: препозиция, постпозиция,
циркумпозиция — 279**

И. С. Пекунова

О двухвариантности склонения в славянских языках — 295

М. Р. Пентус

**О преподавании математической логики будущим
лингвистам — 317**

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина

А что? — 323

- Б. А. Равдин
К. Симонов, «К. Симонов» и К.С. в поднемецкой печати 1943–1944 гг. — 329
- Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус / F. Rozhanskiy, E. Markus
О норме в бесписьменных языках (на примере водского и ижорского) — 338
- З. Салони / Z. Saloni
Грамматическая система и ее словарное описание — 353
- С. Г. Татевосов
Заметки о русском виде: четыре конспекта — 365
- Р. Д. Тименчик / R. Timenchik
Об одном меме Ахматовой — 391
- О. В. Федорова
Чем занимается «настоящая» психолингвистика — 403
- К. А. Чанкальини / С. А. Ciancaglini
Косвенные свидетельства озвончения древнеиранского *-k- в среднеперсидском — 417
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев
Глагол жить и его производные: материалы к «Толково-словообразовательному словарю русского языка» — 437
- Н. М. Якубова
Грузинский глагол глазами начинающего — 457

ЧАСТЬ II МЕМУАРЫ

- М. М. Бурас, М. А. Кронгауз
Попытка оправдания — 487
- Г. Е. Крейдлин
Анне Константиновне к ее юбилею. Небольшое эссе — 491
- А. П. Лычагина
Об Анюточке — 492

А. В. Кейдан

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Этот сборник подготовлен друзьями, коллегами и учениками Анны Константиновны Поливановой к ее 75-летию.

После долгих раздумий о том, как расположить собранные статьи, стало ясно, что друзей у АКП так много и занимаются они настолько разными темами, что единственное возможное решение — поставить статьи в алфавитном порядке. Так мы и поступили, обособив в сборнике два раздела: собственно статьи, а также мемуарные заметки в том жанре, который сама АКП однажды метко окрестила жанром «негрустных воспоминаний». Алфавитный порядок соблюдается внутри каждого из разделов. Фамилии авторов, работающих за границей, продублированы латиницей. Отдельным списком даны аффилиации авторов раздела *Статьи*.

Название книге мы постарались дать максимально емкое и звучное, дабы не наводить скуку на потенциального читателя юбилейным пафосом, но, с другой стороны, и не спугнуть его чрезмерным наукообразием. Хочется надеяться, что непредикативная цепочка слов, вынесенных в заголовок, удачно описывает именно то, что дорого Анне Константиновне.

Во-первых, это люди: коллеги, учителя, ученики, читатели, одним словом — *друзья*. Одно из главных личных качеств АКП и как ученого, и как педагога — это умение внедрять научную точность и трезвость мысли не только в преподавательскую деятельность, но и в повседневное общение, в беседы «по душам». Часто получается, что тот порог, за которым уроки лингвистики переходят в уроки жизни, фактически стирается.

Во-вторых, — *слова*. Все, кто знаком с АКП, знают, с каким воодушевлением она любит и умеет спорить о словах: их узусе, этимологии, семантике, стилистике, орфоэпии, парадигматике. Не будь в мире слов, не суще-

ствовало бы ни лингвистики, ни филологии, ни логики, — т. е. именно тех научных дисциплин, которым посвящено большинство статей сборника.

И в-третьих, — *таблицы*, понимаемые как символ формального подхода к решению любой научной, да и не только научной, задачи. Протицируем высказывание самой АКП, взятое из предисловия ее *Старославянской грамматики*, — лучше, чем она сама, эту мысль не выразить:

Особо хочется подчеркнуть, что в предлагаемой книге — масса таблиц. Может быть, даже слишком много: чуть ли не в каждом параграфе по таблице, а в некоторых — по несколько. Конечно, табличные данные можно расположить в строчку; и я знаю, что некоторых читателей таблицы раздражают. Не секрет, что составлять таблицы тоже не всегда легко. Занимаясь составлением своих таблиц, я каждый раз вспоминала ироничное замечание своего учителя А. Д. Вентцеля: «Кажется, я все понял: лингвистика — это искусство строить таблицы». Для меня это замечание наполнено глубоким научным содержанием, раскрывающим ответ на назойливый вопрос о том, каковы же взаимоотношения между лингвистикой и математикой.

Заметим, что поздравительные формулировки не были регламентированы составителем: каждый автор решал сам, как именно, в какой форме и какими словами, выразить свое почтение Анне Константиновне. Думаю, что, как составитель, я могу подытожить общее настроение всех авторов простым старинным пожеланием: Многая лета!

СПИСОК АВТОРОВ

Аркадьев, Петр Михайлович

Институт славяноведения РАН, Москва
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
alpgurev@gmail.com

Блюменфельд, Лев Александрович (Lev Blumenfeld)

Carleton University, Ottawa, Canada
lev.blumenfeld@carleton.ca

Бречалова, Евгения Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы, Москва
evbrechalova@gmail.com

Вентцель, Александр Дмитриевич (Alexander Wentzell)

Professor Emeritus, Tulane University, New Orleans, Louisiana, USA
alexander.wentzell@gmail.com

Гаврилова, Валентина Ивановна

Всероссийский институт научной и технической информации РАН,
Москва
vigavrilova123364@yandex.ru

Ди Манно, Андреа (Andrea Di Manno)
Sapienza Università di Roma, Italia
andrea.dimanno@uniroma1.it

Добровольский, Иван Сергеевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
imperfect@yandex.ru

Иомдин, Леонид Лейбович
Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН,
Москва
iomdin@iitp.ru

Иткин, Илья Борисович
Институт востоковедения РАН, Москва
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
iitkin@hse.ru

Кейдан, Артемий Владимирович (Artemij Keidan)
Sapienza Università di Roma, Italia
artemij.keidan@uniroma1.it

Коган, Леонид Ефимович (Leonid Kogan)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
lkogan@hse.ru

Кривнова, Ольга Федоровна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
okrivnova@mail.ru

Куликов, Леонид Игоревич (Leonid Kulikov)
Ghent University, Belgium
Leonid.Kulikov@UGent.be

Маркус, Елена Борисовна (Elena Markus)
University of Tartu, Estonia
Институт языкознания РАН, Москва
helenmarkus@yahoo.com

Мельчук, Игорь Александрович (Igor Mel'čuk)

Professeur émérite, Département de linguistique et de traduction,
Université de Montréal, Québec, Canada
igor.melcuk@umontreal.ca

Муравенко, Елена Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
emuravenko@yandex.ru

Патрикеева, Ксения Александровна

ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
xenia.patrikeeva@gmail.com

Пекунова, Ирина Семеновна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
irapek@gmail.com

Пентус, Мати Рейнович

Механико-математический факультет МГУ, Москва
mpentus@yandex.ru

Плунгян, Владимир Александрович

Институт языкознания РАН, Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
plungian@iling-ran.ru

Равдин, Борис Анатольевич

Латвийское общество русской культуры, Рига, Латвия
ravdin@mailbox.online.lv

Рахилина, Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
erakhilina@hse.ru

Рожанский, Федор Иванович (Fedor Rozhanskiy)

University of Tartu, Estonia
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
handarey@yandex.ru

Салони, Зигмунт (Zygmunt Saloni)
Uniwersytet Warszawski, Polska
zasaloni@uw.edu.pl

Татевосов, Сергей Георгиевич
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
tatevos@philol.msu.ru

Тименчик, Роман Давыдович (Roman Timenchik)
Professor Emeritus, The Hebrew University of Jerusalem, Israel
suzirom@gmail.com

Федорова, Ольга Викторовна
ОТиПЛ, Филологический факультет МГУ, Москва
olga.fedorova@msu.ru

Чанкальини, Клаудиа А. (Claudia A. Ciancaglini)
Sapienza Università di Roma, Italia
claudia.ciancaglini@uniroma1.it

Шмелев, Алексей Дмитриевич
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Шмелева, Елена Яковлевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
eshkind@mail.ru

Якубова, Нина Манашировна
sdygr@mail.ru

ЧАСТЬ I
СТАТЬИ

А ЧТО?

Когда-то мы тоже учились у Анны Константиновны — много лет назад, и теперь интересно вспоминать, как это было. Бесспорно, что многим общим научным принципам, которые потом стали определять нашу лингвистическую жизнь, мы обязаны ей. Между тем, Анна Константиновна, как и всякая яркая личность, соткана из разных противоречий.

С одной стороны, как ученый своего времени, она стремилась к эффективным определениям лингвистических понятий. Образцом такого подхода тогда считались Бурбаки, создавшие математическую аксиоматику. И тем самым во главу угла ставилась задача формализации лингвистических понятий, которая способствовала бы превращению лингвистики в систему строгих правил, не знающих исключений и оперирующих точно определенными единицами. Это был для нас чрезвычайно интересный опыт, который сопровождался подробным и бескомпромиссным критическим анализом важнейших теоретических статей того времени. (Результат всегда был один: все статьи оказывались очень плохо написаны — с точки зрения образцов аксиоматики.)

С другой стороны, нам прививался совершенно другой опыт и правила другой теоретической парадигмы, предполагавшей пристальное внимание к деталям и любовь к тончайшим нюансам живого текста. Любой текст мог и должен был идти в дело и обогащать лингвистическую теорию. Каким-то образом в мире Анны Константиновны «всесильный бог деталей» сосуществовал с идеальными формальными структурами — от всех деталей, как правило, безупречно свободными.

Особенно привлекательными для нас стали задания на анализ во всех отношениях нестандартных текстов, которые Анна Константиновна при-

носила нам в качестве материала для разбора — одни украшали собой многоязычные югославские коробки с детским питанием (тогда бывшие весьма экзотическим предметом), другие служили рекламными проспектами новых средств для уничтожения вредных насекомых — написанные на русском языке китайскими производителями (один из таких текстов разобран в статье [Поливанова 1997])... И в этой ипостаси Анна Константиновна являлась нам не строгим формалистом, а совершенным корпусным лингвистом, хотя о корпусах тогда еще не было речи («у нас его еще не знали девы», как писал поэт).

Сюжет нашей небольшой заметки как раз связан с корпусным исследованием на материале, в общем, тоже не вполне стандартных с современной точки зрения текстов XIX века. Мы изучаем дистанцию между нормой того времени и сегодняшней и ищем правила, которые действовали тогда, а потом по разным причинам исчезли из языковой системы (см. подробнее, например, [Plungian, Rakhilina 2018]). Исходный текст — вполне хрестоматийный: это *Герой нашего времени* М. Ю. Лермонтова. А вот языковая единица, которую мы рассмотрим в этой заметке, — совсем не тривиальная. Это так называемая *дискурсивная формула* — фиксированное идиоматическое выражение, короткая неоднословная реплика в ответ на чужое высказывание или вопрос (типа *Да ну? Как это? Еще чего!* и под.; подробнее о них см. [Gerasimenko et al. 2019]).

Например, *Еще чего!* — это либо очень эмоциональная отрицательная реакция на предположение, либо категорический (возмущенный) отказ в ответ на просьбу/императив со стороны собеседника. Ср. (1)–(2):

- (1) — Но вы — выйдите, посмотрите, в каком он состоянии. — Еще чего! Буду я ходить больных собирать! Я не санитарка! [А. И. Солженицын. *Правая кисть*, 1960]
- (2) Я говорю: отец Алексей, благословите бросить всю эту чрезвычайно душевредную тягомотину и заняться спасением души. «Еще чего!» — сказал отец Алексей, вот именно этими самыми словами. [М. А. Журиная. *Без московской ругани*, 2011]

Как высокочастотные единицы, дискурсивные формулы должны быть очень динамичными и быстро сменять одна другую. Этот процесс понятен, если устаревает какое-то слово в составе формулы — но проблема в том, что во многих случаях формулы состоят из неполнозначных единиц, которые некомпозиционально (и, казалось бы, раз и навсегда) сложены

в некоторую структуру со строго фиксированной семантикой и жесткими условиями употребления. Может ли эта структура распасться или измениться? Рассмотрим один пример из *Фаталиста*.

- (3) — Вы счастливы в игре, — сказал я Вуличу... — В первый раз от роду, — отвечал он, самодовольно улыбаясь, — это лучше банка и штосса. — Зато немножко опаснее. — **А что?** вы начали верить предопределению? — Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

В данном случае формула *А что?* — это вопрос Вулича к рассказчику, вынуждающий его поделиться впечатлениями от только что увиденного. Рассказчик, как мы помним, только что проиграл Вуличу пари: они спорили, может ли человек сам распоряжаться своей жизнью или для всех нас есть некое предопределение.

В таком контексте мы теперь спросили бы: *Ну что?* (= ‘Ну что? убедился, что человек сам не решает, когда ему умереть? Поверил ты в предопределение?’). Ср. у Довлатова:

- (4) Вид его как будто говорил: «**Ну что? Доигрался?!** Теперь уж выкручивайся самостоятельно. А ведь я предупреждал тебя, дурака...». [С. Довлатов. *Чемодан*, 1986]

Действительно, изолированная реплика *А что?* в современном русском используется в одном из двух случаев: или как вопрос-оправдание или как вопрос-подозрение.

Вопрос-оправдание возникает в ответ на недоумение собеседника по поводу поступка говорящего или направленную на него критику (≈ ‘А что (тут) такого? А почему бы нет?’). Ср.:

- (5) Есенин тоже кому-то не нравится. — Смелое уподобление. — **А что?!** Ну вот играю я Есенина, зал сходит с ума, а какая-нибудь пара, тройка зрителей возмущается [...]. [«Известия», 2001.09.24]

Вопрос-подозрение возникает в ответ на внешне обычный информационный вопрос, который кажется говорящему содержащим какой-то подвох, каким-то образом задевающим его интересы (≈ ‘А почему ты спрашиваешь? Разве что-то не так?’). Ср.:

- (6) — Скажите, вы, случайно, не из Москвы? — Нет. — И не знали моей бабушки? — Нет, а что? [Коллекция анекдотов 1970–2000]

Оба эти класса употреблений были свойственны формуле *А что?* еще в XVIII–XIX веке, ср. вопрос-оправдание в (7) и вопрос-подозрение в (8):

- (7) Дюфиза [...] *Я выдумала, чтобы вместо рукавиц на руки надевать чулки.* Деламида. (Дюфизе). *А что?* (= ‘А почему бы нет?’) *ежели бы это выдумали в Париже, так, я чаю, это бы было недурно.* [А. П. Сумароков. *Ссора у мужа с женой*, 1750]
- (8) Яичница. *Скажите, пожалуйста, невеста дура, что ли?* Кочкарев. *А что?* (= ‘почему вы вдруг это спросили?’) *случилось разве что?* Яичница. *Да непонятные поступки: выбежала, стала кричать: «Прибьет, прибьет!».* [Н. В. Гоголь. *Женитьба*, 1833–1842]

Между тем, ни одно из этих значений не подходит к нашему контексту разговора Вулича с рассказчиком. К нему, как мы уже отметили, хорошо подходит семантика другого дискурсивного маркера — *Ну что?* — который запрашивает у собеседника оценку ситуации: *Что ты на это скажешь? Ну как тебе?*

Заметим, что при этом оценка имеется в виду вполне определенная, очень положительная, для которой характерны два типа контекстов. В первом случае говорящий просто предлагает собеседнику восхититься и похвалить его по какому-то только что случившемуся, так сказать, наблюдаемому, поводу: *Ну что? Не молодец ли я?* Во втором он предлагает признать правоту его, а не говорящего, предсказания, которое, как ему кажется, сбылось: *Ну что? И кто из нас был прав?*

В начале XIX века в таких контекстах вместо ожидаемого нами *Ну что?* используется *А что?* — и не только у Лермонтова, ср. с одной стороны, (9)–(10), а с другой — (11).

Ожидание высокой оценки:

- (9) *А что?* каково я хватил его рогатиною? Небось — не промахнулся. [М. Н. Загоскин. *Рославлев, или русские в 1812 году*, 1830]
- (10) — Отведай! — говорю я. Он отведал. — *А что?* — говорю я. — Чорт знает что: ни мыло, ни сало! [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. *Пан Халявский*, 1839]

Предложение признать правоту говорящего:

- (11) [...] дочь говорит: «А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский!» Мать отвечает: «Ну да, Добчинский, теперь я вижу [...]». [В. Г. Белинский. «Горе от ума», 1839]

Легко видеть, что в лермонтовском диалоге Вулича с рассказчиком (3) *А что?* принадлежит именно последнему типу: *А что? вы начали верить предопределению?* — это как раз требование Вулича признать его правоту в состоявшемся споре (Вулич уверен, что произошедшие события подтвердили его, Вулича, правоту и должны были изменить точку зрения рассказчика).

Таким образом, изменения в составе и значении дискурсивных формул вполне возможны. В данном случае мы наблюдаем замену единицы *А что?* в значении «запроса позитивной оценки» на единицу *Ну что?* В принципе, причины такого изменения можно видеть в природе данного значения. Оно включает элемент понуждения адресата (к некоторой реакции), а именно этот семантический элемент передается в русском языке частицей *ну* (ср. [Разлогова 2004] и др.). «Специализация» частицы *ну* в этом значении, по нашим данным, как раз интенсивно происходит в XIX – первой половине XX в.; при этом частица *ну* в этом значении активно присоединяется и к другим дискурсивным показателям (ср. *ну давай*, *ну еще чего* и т. п.) и даже, как мы видели, внедряется в «чужие» дискурсивные формулы, вытесняя из них другие элементы. У семантически нейтрального *а* в точности такого значения не было (это скорее фразовый коннектор, порождавший многочисленные контекстные эффекты, ср. разбор этих механизмов в [Зализняк, Микаэлян 2018] с анализом предшествующей литературы). И падение его употребительности по сравнению с древнерусским периодом как раз и было связано с тем, что в ряде специфических контекстов его вытесняли конкуренты, значение которых более точно соответствовало именно данным контекстам.¹

Если это так, то изменения в составе и значении дискурсивных формул демонстрируют, что даже идиоматичные (некомпозиционные)

¹ Хорошо заметно, что такая замена *а* на *ну* возможна далеко не у всякой дискурсивной формулы, содержащей начальное *а*, а лишь у такой, где значение *а* попадает в нужную область. Так, в составе *а то* эта замена невозможна (**ну то*), поскольку эта единица функционирует как противопоставительный или соединительный коннектор, что вполне соответствует основному спектру употреблений, сохранившемуся у русского *а* сегодня.

единицы в своей эволюции могут испытывать влияние композиционных структур. Несмотря на то, что все компоненты в составе дискурсивных формул по определению идиоматичны, их семантическая мотивированность может увеличиваться за счет замены одних компонентов на другие, более подходящие с точки зрения их вклада в общую семантику конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л.* Русское *a*: опыт интегрального описания // *Russian Linguistics*. — 2018. — Vol. 42, № 3. — P. 321–344.
- Поливанова А. К.* Языковые аномалии: условие корректируемости // *Studia linguarum*. — М. : РГГУ, 1997. — С. 213–251.
- Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. — М. : МГУ, 2004.
- Gerasimenko et al 2019 — *Gerasimenko E., Puzhaeva S., Zakharova E., Rakhilina E.* Defining discourse formulae: computational approach // *Proceedings of 3rd Workshop “Computational linguistics and language science”*. — 2019. — Vol. 4. — P. 61–69.
- Plungian V., Rakhilina E.* ‘I say...’: Some aspects of 19th-century Russian syntax // *Russian Linguistics*. — 2018. — Vol. 42, № 2. — P. 123–136.